

НАТАЛЬЯ В. ДИДЕНКО

Uniwersytet Wrocławski

Wrocław

Семантические реляции в сфере русско-польских межъязыковых омонимов на примере интернационализмов

Большинство ученых, изучая межъязыковую омонимию в родственных языках, не отделяет общеславянскую лексику от интернациональной. Так, например, П. Стасинска в статье *О некоторых типах семантических отношений в пределах русско-польских омонимов* отмечает: «Межъязыковые русско-польские омонимы определяются нами как корреспондирующие слова славянского происхождения, так и заимствованные этими языками из общего источника...» (Stasińska 1988 : 263). Однако интернациональная лексика является уникальным пластом в языковом пространстве и требует самостоятельного изучения.

Интернациональная лексика, заимствованная родственными языками, развивается в каждом отдельном языковом пространстве по-разному. Заимствованные слова не только видоизменяются с точки зрения формы (перестраиваются в соответствии с особенностями языка-реципиента), но и трансформируются семантически, однако, чаще всего, сохраняя примарное значение.

В данной статье рассматриваются семантические отношения омонимов-интернационализмов в русском и польском языках. В качестве примеров приводятся лексемы, заимствованные не только из одного языка-источника, но также через языки-посредники. Не учитывается временной критерий, поскольку, скорее всего, данные слова были заимствованы приблизительно в один период. По этому поводу Э. Балалыкина справедливо замечает, что «значительный пласт слов, близких по звучанию, но имеющих разные значения в русском и польском языках, восходит к заимствованным и интернациональным лексемам, особенно активно пополнившим словарный запас сопоставляемых языков в XVII–XVIII вв.» (Балалыкина 1988: 49).

Целью данной работы является семантический анализ межъязыковых омонимов на примере интернациональной лексики польского и русского языков. Подобные работы, как правило, базировались и на славянской, и на заимствованной лексике одновременно. В статье приводится материал, который отвечает классическому определению *интернационализмов*, предложенному В. Акуленко: «...лексемы, сходные до степени идентификации в графическом (обычно уже: орфографическом) или в фонематическом отношении с полностью или частично общей семантикой, выражающие понятия международного значения и сосуществующие в нескольких (практически не менее чем в трех) синхронически сопоставляемых языках (в том числе неродственных или неблизкородственных)» (Акуленко 1961: 61).

К. Кусаль в статье *Типы семантических отношений в сфере русско-польской межъязыковой омонимии* выделяет семантические реляции дизъюнкции и конъюнкции среди русско-польских омопар. Явление дизъюнкции автор определяет как отношения исключения, то есть полное несовпадение значений (Kusal 2005: 24). В качестве примера приводятся слова общеславянского происхождения, значения которых действительно абсолютно различны. В отношении интернациональной лексики, функционирующей в родственных языках, наблюдается несколько иная ситуация. Как было отмечено выше, основной пласт соотносимой омонимичной лексики в русском и польском языках был заимствован ориентировочно в XVII–XVIII веке (Балалыкина 1988: 49), то есть, относительно недавно. Семантические связи в большинстве межъязыковых омопар не успели окончательно разорваться, хотя можно наблюдать их постепенное размежевание.

Так, например, члены омопары *azart* — *hazard* (общий язык-источник — французский) хотя и имеют различные значения, однако семантическое родство между ними не вызывает сомнения. Так, польское *hazard* означает (здесь и далее перевод — наш): ‘игра на деньги, в которой победа определяется волей случая’; ‘рискованное предприятие, результат которого зависит от воли случая, риск’, ‘подвергать себя опасности’ (USJP 2001). Русское слово *азарт* имеет значение: ‘сильное возбуждение, задор, увлечение’ (БСИС 2007: 23).

Омопара *резон* — *rezon* является классическим примером дизъюнкции, когда интернационализмы, заимствованные из одного языка-источника, в данном случае — французского, имеют абсолютно разные значения. Так, русское слово *резон* означает ‘довод, разумное основание, смысл’ (СИС 1980: 434), а польское *rezon* — ‘уверенность в себе, свобода в контактах с людьми, смелость, решительность’ (USJP 2001).

Заимствование лексемы не всегда происходит непосредственно из языка-донора. Очень часто словоформа проходит через ряд языков-посредников, которые существенным образом оказывают влияние на семантику исходного слова. В связи с этим на современном этапе развития польского и русского

языков возникают межъязыковые омонимы, в которых отношение семантической реляции дизъюнкции появляется благодаря языку-посреднику.

Так, русское слово *пассия* ‘предмет страсти, возлюбленная’ согласно *Словарю иностранных слов*, было заимствовано из французского языка, однако своими корнями восходит к латыни — [фр. *passion* страсть < лат. *passio* страдание, страсть] (СИС 1980: 375). Польское же слово *pasja* — ‘сильное, страстное увлечение; хобби, сильный гнев, ярость’ (USJP 2001) — было заимствовано непосредственно из латыни. Язык-посредник — в данном случае французский — в определенной степени повлиял на современное значение русского слова. Во *Французско-русском словаре* (1982) лексема *passion* имеет следующее значение (третье из пяти): ‘Предмет страсти, любви’, которое является схожим с определением в русском языке. Данный факт позволяет сделать вывод о влиянии языка-посредника на формирование лексического значения русского слова *пассия*. Главная сема лексического значения переместилась с семы ‘чувство’ (которое актуализировано в польском языке) на сему ‘предмет (чаще человек), который вызывает данное чувство’. То есть, перед нами межъязыковая омпара интернационализмов с семантической реляцией дизъюнкции, восходящая к одному языку-источнику, однако возникшая вследствие упомянутого выше влияния языка-посредника, который и видоизменил значение исходной лексемы.

Аналогичная ситуация складывается в отношении русско-польской интернациональной омпары *перкуссия* — *perkusja*, которая восходит к языку-источнику — латыни, однако современная польская лексема была заимствована из языка-посредника. Так, *Uniwersalny słownik języka polskiego* дает нам единственное значение данной лексемы (‘группа музыкальных инструментов..., ударные инструменты’ (USJP 2001)), которая предположительно может происходить либо от французского, либо от английского языков — [ang., fr. *percussion*] (USJP 2001). Вследствие этого возникло иное значение. Но, как и в предыдущем примере, сохранилась общая сема ‘выстукивания, удара’. Так русское *перкуссия* передает исконное латинское значение — ‘выстукивание — метод медицинского исследования состояния и положения внутренних органов по звуку, получаемому при выстукивании поверхности тела молоточком по особой пластинке или пальцами’ (СИС 1980: 382). Тогда как польское слово *perkusja* — через английское — имеет музыкальное значение (USJP 2001).

В межъязыковой омпаре *kwota* — *квота* польская лексема была заимствована из немецкого языка со значением ‘определенная сумма денег’ (USJP 2001), тогда как русское слово *квота* пришло в язык из латыни и означает: ‘доля, часть, пай, норма’ (СИС 1980: 230). Польское слово, заимствованное из немецкого языка-посредника, исторически также восходит к латыни. Таким образом, причиной дизъюнкции слов, которые исторически восходят к одному этимону, является язык-посредник, который видоизменил значение основной лексемы либо в русском, либо в польском языках.

Как отмечает К. Кусаль, «интересно семантически „пересекаются” русские и польские слова, восходящие к одному этимону и имеющие на синхронном срезе противоположные значения. Некоторые лингвисты рассматривают подобное явление как межъязыковую антонимию (см. Плотников, 1979) либо энантиосемию (Балалыкина 1985: 75–84)» (Kusal 2005: 25).

Среди интернациональной лексики ярким примером является русско-польская омопара *криминалист* — *kryminalista*. Согласно словарю иностранных слов (СИС 1980: 267) русская лексема восходит к латинскому слову *criminalis* (и означает ‘специалист по криминалистике’), тогда как его польский аналог, в соответствии с польским словарем иностранных слов (SWO 1996: 614), восходит к немецкому *kriminal* (и означает ‘человек, осужденный за совершение какого-либо преступления, преступник’). Не исключено, что немецкое слово исторически также восходит к латинскому источнику, однако язык-посредник способствовал изменению основного значения на противоположное.

Русско-польская омопара *ординатор* — *ordynator*, члены которой заимствованы обоими языками из латыни, также может служить примером развития противоположных значений в родственных языках. Так, у польского слова *ordynator* следующая дефиниция: ‘врач, заведующий отделением в больнице’ (USJP 2001), тогда как у русской лексемы *ординатор* — следующая: ‘врач лечебного учреждения, работающий под руководством заведующего отделением’ (СИС 1980: 359). Противопоставление основывается на семе ‘занимаемой должности врача’ — руководителя и подчиненного.

Ряд лексикологов (например, Э. Балалыкина, К. Кусаль) выделяют семантические отношения конъюнкции, встречающиеся в русско-польских лексических параллелях. Значения данных слов должны в определенных моментах совпадать. Выше было сказано, что значения интернациональных омопар в русском и польском языках, как правило, имеют общие семы, поскольку были заимствованы относительно недавно и не успели окончательно разойтись в значениях. Однако в приведенных ниже примерах можно будет наблюдать более прочные семантические связи. Если в отношениях дизъюнкции отчетливо прослеживались разные значения и лишь при более глубоком рассмотрении можно было говорить об их общем этимоне, то в случае конъюнкции наоборот — основные лексико-семантические варианты совпадают, дополнительные — расходятся в своих значениях.

Так, например, русское слово *автокар* — ‘тележка для перевозки грузов’ (БСИС 2007: 15), польское *autokar* — ‘туристический автобус’ (SHRP 2004: 13), соответственно, для перевозки людей, туристов. Как видно из приведенного примера, омопара обладает общей семой — ‘средство передвижения’, различия сосредоточены в семе ‘назначения’ данного средства. Русское — для перевозки грузов, польское — для перевозки туристов.

Поскольку частичное совпадение семантики интернациональных омопар может происходить по-разному, можно выделить отношения включения

и пересечения: «1) P<П или P>П (семантическое отношение включения: русское слово по объему лексического значения может быть больше либо меньше польского слова); 2) модель PхУ (семантическое отношение пересечения: в лексическом значении каждого из слов есть совпадающая часть и несовпадающие элементы)» (Kusal 2005: 27).

В соответствии с предложенной классификацией представленный выше пример относится к семантическим отношениям пересечения (PхУ). Стоит отметить, что здесь целесообразно выделить подтип омопар с семантическими отношениями пересечения на базе полисемантов и моносемантов. Таким образом, омопара *автокар* — *autokar* отражает семантические отношения пересечения на основе моносемантных лексем.

К этой же группе интернациональных русско-польских омонимов относится омопара *бинокль* — *binokle*, члены которой заимствованы из французского языка. В польском языке лексема *binokle* означает ‘очки без дужек, держащиеся на носу с помощью пружинки’ (USJP 2001), то есть, пенсне, тогда как в русском языке — ‘оптический прибор, состоящий из двух соединенных между собой зрительных труб, дающий возможность рассматривать удаленные предметы обоими глазами’ (СИС 1980: 81).

К омопарам, являющимся отражением семантических отношений пересечения на базе моносемантных лексем, относятся русско-польские интернационализмы *китель* — *kitel*, заимствованные из немецкого языка. Русское *китель* обозначает ‘форменная куртка военного покроя’ (СИС 1980: 234), польское *kitel* — ‘легкая одежда (покрытие), которую используют для сохранения основной одежды или в гигиенических целях’ (USJP 2001). И то, и другое значение относится к одежде, разница — в семе ‘употребления’.

Полисемантные лексем, являющиеся примером отношения пересечения русско-польских омопар, характеризуются тем, что имеют одно или несколько общих значений, одновременно различаясь в дополнительных ЛСВ. Так, омопара *апликация* — *aplikacja*, источником которой является латынь, имеет следующее тождественное значение: ‘способ создания орнаментов, изображений путем нашивания или наклеивания на ткань, бумагу и т.п. разноцветных кусочков материи или бумаги, а также рисунок, созданный таким способом’ (СИС 1980: 50) — ‘орнамент, вырезанный из ткани либо кожи и пришитый на другую ткань’ (USJP 2001). Самостоятельные значения у данных лексем развились следующие: в польском языке — ‘практика лиц, имеющих юридическое образование, готовящихся к профессиональной деятельности судьи, прокурора, адвоката, нотариуса, арбитра или юридического консультанта’ (USJP 2001), в русском — ‘физиотерапевтическая процедура, состоящая в накладывании на ограниченный участок поверхности тела лечебной грязи, парафина и т.п.’ (СИС 1980: 50). Что интересно, два дополнительных значения относятся к юридической и медицинской областям профессиональной деятельности.

Русско-польская омпара *артикул* — *artykuł* (данные лексемы происходят из латинского языка) имеют следующие общие значения: ‘особая рубрика в некоторых законах и других официальных актах’ (СИС 1980: 55) — ‘часть закона или договора, характеризующаяся законченностью и полнотой’ (USJP 2001). Польское слово *artykuł* имеет еще несколько дополнительных значений, которых не содержит русская лексема: ‘публицистический, литературный или научный текст, вышедший в газете или журнале’; ‘вещь, которая является предметом торговли; продукт; изделие; товар’; ‘принцип, религиозное правило’ (USJP 2001). Русское же слово *артикул* имеет свои значения: ‘военно-уголовный кодекс Петра I’; ‘уст. ружейный прием’; ‘тип изделия товара, а также его цифровое или буквенное обозначение’ (СИС 1980: 55). Таким образом, перед нами пример омпары с семантическими отношениями пересечения в многозначных лексемах.

Семантические отношения включения, согласно классификации К. Кусалья, имеют два вида — когда польское слово шире русского в семантическом плане и наоборот.

Первый вид (P<П) отношений включения отражает омпара *кушетка* — *kuszetka* (язык-источник — французский). Общее значение у данных омонимичных словоформ: ‘небольшой диван без спинки’ (БСИС 2007: 337) — ‘устар. диванчик, диван’ (USJP 2001). Польская лексема *kuszetka* обладает следующими дополнительными дефинициями: ‘пассажирский вагон, в котором имеются раскладывающиеся места для лежания с постелью’; ‘место в таком вагоне’ (USJP 2001).

Аналогичный тип семантических отношений наблюдается в польско-русской омпаре *академик* — *akademik*, в которой польское слово развило дополнительные значения: ‘общезитие; представитель либо последователь академизма — направления в искусстве’; ‘студент, который является членом академического спортивного клуба’; ‘студент (устар.)’ (USJP 2001). Русская же лексема *академик* имеет значение (которое также свойственно польскому слову): ‘действительный член академии; представитель академии’ (СИС 1980: 20).

Второй вид семантических реляций, когда русское слово имеет более широкое значение. Примером может послужить омпара *ансамбль* — *ansamblе*, язык-источник — французский. Общее для данных слов значение: ‘художественная группа, как правило, группа музыкантов, певцов или актеров’ (USJP 2001) — ‘совместное исполнение музыкального произведения несколькими артистами (музыкантами, певцами); одновременное пение нескольких действующих лиц в опере’; ‘группа исполнителей, выступающих как единый художественный коллектив’ (СИС 1980: 42). Русская лексема, кроме выше приведенных, имеет дополнительные значения, не встречающиеся в польской словоформе: ‘музыкальное произведение для ансамбля исполнителей’ — (СИС 1980: 42); ‘комплект одежды, состоящий из нескольких дополняющих друг друга предметов’ (БСИС 2007: 47).

Еще один пример — русско-польская омопара *автостоп* — *autostop* (язык-источник — английский). Общее значение для данных лексем: ‘путешествие при помощи останавливающихся на дороге машин’ (USJP 2001) — ‘способ путешествия на автомобилях «голосованием» на дорогах’ (БСИС 2007: 17). Русское слово имеет еще одно значение — ‘устройство для автоматической остановки поезда, если машинист не отреагирует на сигнал об остановке’ (БСИС 2007: 17).

Таким образом, рассматривая русско-польские интернационализмы-омонимы, можно также говорить о семантических отношениях дизъюнкции и конъюнкции, характерных для явления межъязыковой омонимии в целом. Однако интернациональная лексика имеет свои особенности. Это, с одной стороны, влияние языка-посредника на развитие совершенно иного значения в семантических реляциях дизъюнкции, а также возможность рассмотрения семантических реляций пересечения на базе моно- и полисемантов.

Литература

- АКУЛЕНКО В., 1961, *Существует ли интернациональная лексика?* „Вопросы языкознания”, № 3.
- БАЛАЛЫКИНА Э., 1988, *К вопросу о русско-польской межъязыковой паронимии*, „Przegląd Rუსystyczny”, z. 3–4.
- БСИС 2007 — *Большой словарь иностранных слов*, сост. А.Ю. Москвин, Москва.
- СИС 1980 — *Словарь иностранных слов*, ред. Ф.Н. Петрова, 7 изд., Москва.
- Французско-русский словарь*, 1982, сост. К.А. Ганшина, 9 изд., Москва.
- KUSAL K., 2005, *Типы семантических отношений в сфере русско-польской межъязыковой омонимии*, [в:] *Žmogus ir žodis*, ред. A. Pakerys, Vilnius, т. 3.
- SHRP 2004 — SZALEK M., *Słownik homonimów rosyjsko-polskich*, Poznań.
- STASIŃSKA P., 1988, *О некоторых типах семантических отношений в пределах русско-польских омонимов*, [w:] *Spotkania językoznawcze. W kręgu semazjologii, leksykologii i terminologii. Materiały z Międzynarodowej Konferencji w Opolu–Szczedrzyku 12–13 września 1986 r.*, ред. H. Szczegot, S. Kochman, Opole.
- SWO 1996 — *Słownik wyrazów obcych*, ред. E. Sobol, Warszawa.
- USJP 2001 — *Uniwersalny słownik języka polskiego*, ред. S. Dubisz, edycja komputerowa, CD-Rom.

Semantic relations in the sphere of Russian-Polish homonyms on the example of cognates

Summary

This article deals with semantic relations of Russian-Polish homonyms on the example of cognates. Special attention should be paid to cognates due to the peculiarities of their development and functions different from the Slavic lexicon in compared languages.